

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ АНТИОХА КАНТЕМИРА К «ПИСЬМАМ ГОРАЦИЯ»

Эпистолы Горация были подготовлены к изданию А. Д. Кантемиром незадолго до смерти.¹ Их полное русское название «Письма Квинта Горация Флакка, переведены с латинских на русские стихи и примечаниями изъяснены в Париже 1742 года» мыслилось им как название будущей книги. О замысле ее издания можно судить по авторизованной белой рукописи (РНБ, Q XIV 1), подготовленной с той же тщательностью, что и другие труды, посылаемые Кантемиром в Петербург для напечатания. Успел ли ее отправить в Россию сам Кантемир, неизвестно. В Публичную библиотеку она поступила в 1813 г. от законоучителя 2-го кадетского корпуса иеромонаха Феофила. По предположению Б. А. Градовой, она попала в Россию уже после смерти поэта.² Труд Кантемира по этой рукописи был издан только в 1867 г. П. А. Ефремовым.³ В XX в. «Письма Горация» не издавались, в собрание стихотворений Кантемира в «Библиотеке поэта» включено лишь четыре из них в отрыве от авторских примечаний.⁴ Состоянию изданий «Писем Горация» соответствует их малая изученность. Только однажды они привлекли к себе

¹ Антиох Кантемир перевел и подготовил к изданию все 22 эпистолы Горация. «Науку о поэзии» («De arte poetica»), хотя она и является эпистолой, как правило, в книги эпистол Горация не включают.

² Градова Б. А. Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983. С. 17—33.

³ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка // Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы: В 2 т. / Под ред. П. А. Ефремова, статья, примеч. В. Я. Стоюнина. СПб., 1867. Т. 1. С. 384—559.

⁴ Кантемир А. Писем книга I: Письмо I. К Меценату. Письмо VI. К Нумидию. Письмо XX. К своей книге. Писем книга II: Письмо I. Кантемир Августу // Кантемир А. Собрание стихотворений / Вступ. статья Ф. Я. Приймы; Подгот.

специальное внимание в небольшой статье А. А. Веселовского «Кантемир — переводчик Горация».⁵ Между тем перевод эпистол Горация наиболее полно выражает гораццианскую настроенность самого гораццианского из русских поэтов. Изучение «Писем Горация» в нескольких существенных для истории русской поэзии аспектах, например латинизированного поэтического стиля, а также реформированного Кантемиром силлабического стиха и введенного им безрифменного силлабического 13-сложника, каким написаны переводы эпистол, вне сомнения, дело будущего. Данная работа лишь вскользь касается этого кладезя раннего русского гораццианства. Ее задача состоит в осмыслении написанных Кантемиром примечаний к «Письмам Горация».

Филологическая наука начинается с работы по подготовке издания автора. Не вышедшие в свое время подготовленные Кантемиром издания переводов анакреонтических од⁶ и эпистол Горация принадлежат к первым памятникам русской филологической мысли и уже поэтому требуют самого внимательного к себе отношения. Но недостаточный интерес к истории становления русской филологии, которому посвящены лишь главы в коллективных монографиях,⁷ оставляет пока вопрос о первых русских комментированных изданиях за рамками изучения. Связь изданий Кантемира с началом становления русской филологии может подвергнуться сомнению. Во-первых, это неосуществленные издания, а значит, традиции они положить не могли. Во-вторых, они подготовлены за границей, под воздействием, чего не скрывал сам Кантемир, западноевропейской уже процветающей филологии. Тогда какая же это русская наука? Оба возражения по-своему справедливы. Однако вопрос, какой признак или условие делает науку, в том числе филологию, национальной, не кажется простым, ввиду же малой изученности истории русской филологии рассуждения на эти темы носят, как правило, спекулятивный характер. Не прост вопрос и о значении работ Кантемира для русской филологической традиции.

текста, примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 317—334. (Б-ка поэта. Большая серия).

⁵ *Веселовский А. А. Кантемир — переводчик Горация // Известия ОРЯС. 1914. Т. XIX. № 1. С. 242—254.*

⁶ «Анакреонта Тиейца песни с греческого переведены и потребными историческими примечаниями изъяснены трудами князя Антиоха Кантемира. В Лондоне 1736 году». Полностью напечатаны П. А. Ефремовым: *Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 1. С. 337—383.*

⁷ Возникновение русской науки о литературе / Отв. ред. П. А. Николаев М., 1975. С. 42—72, 92—119; История русского литературоведения / Отв. ред. П. А. Николаев. М., 1980. С. 32—39.

Хотя полный перевод «Писем Горация» был издан только в 1867 г., перевод и комментарий первых десяти писем в той же редакции, что и в рукописи РНБ, вошли в издание «Квинта Горация Флакка десять писем первой книги: переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов», вышедшем в Петербурге в 1744 г.⁸ Это было первое в России издание не только Горация, но и поэта древности вообще. Его переиздание в 1788 г.⁹ свидетельствует о сохранении к нему интереса и более сорока лет спустя. Издание писем 1744 г. было осуществлено по присланной Кантемиром в мае 1740 г. Хр. Гроссу рукописи. Не напечатанные тогда, письма были включены в издание стиховедческого трактата Кантемира «Письмо Харитона Макентина», которое курировал уже Н. Ю. Трубецкой, поручивший надзор за его подготовкой В. К. Третьяковскому.¹⁰ Нельзя исключить, что Третьяковский участвовал в решении о напечатании писем Горация вместе с «Письмом Харитона Макентина». Время присылки рукописи первых десяти писем помогает датировать работу Кантемира над подготовкой издания всех «Писем Горация» и считать, что дата, обозначенная в названии предполагаемой книги «1742», может относиться лишь к окончанию работы. Началась она, по-видимому, в самом конце 1730-х гг. Об этом говорит указание автора, что делалась она в Париже («переведены с латинских на русские стихи и примечаниями изъяснены в Париже»), куда Кантемир, будучи назначенным французским послом в апреле 1738 г., прибыл в начале сентября того же года.¹¹ По мнению Э. Д. Фролова, перевод Кантемира эпистол Горация, известный по двум изданиям XVIII в., «несомненно оказал влияние на последующие русские переводы Горация».¹² Хотя это мнение несколько категорично для

⁸ Квинта Горация Флакка десять писем первой книги: переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб., 1744.

⁹ Квинта Горация Флакка десять писем первой книги: переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб., 1788.

¹⁰ Пекарский П. Третьяковский Василий Кириллович, академик по кафедре красноречия // Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 91.

¹¹ Николаев С. И. Кантемир А. Д. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (И—П). С. 19.

¹² Фролов Э. Д. Русская наука об античности : (Историографические очерки). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006. С. 31.

того, чтобы быть высказанным без предварительной работы по сверки русских переводов Горация, у него есть свои основания.

Работе Кантемира над переводом и подготовкой к печати эпистол Горация предшествовала многолетняя, начатая им в юности и не прекращавшаяся в продолжение всей жизни работа по переводу литературных, философских и исторических сочинений. Уже первые из них Кантемир снабжал примечаниями. Так, он включил примечания в подготовленное им в 1730 г. русское издание «Разговоров о множественности миров» Б. Фонтенеля, оговорив в предисловии к книге их характер.¹³ Делавшиеся им в тот же период переводы сатир Н. Буало, возможно, тогда же были откомментированы. Кроме переводных, что не столь удивительно, Кантемир истолковал практически все собственные сочинения. Более известны, как он их назвал, «изъяснения» к сатирам, но примечания сопровождают и его песни (оды), письма (послания), басни и эпиграммы. Позднейшая литературная традиция приучила нас, что авторские примечания к собственным сочинениям носят характер не филологической, а литературной работы. Достаточно вспомнить «Объяснения» на свои сочинения Г. Р. Державина. Однако примечания Кантемира совсем другого рода, в них он отстраняется от собственного текста, комментируя как сторонний читатель употребленные в нем малопонятные слова и выражения, а также реалии. Его примечания к своим сочинениям неотличимы от сделанных филологом; не случайно в работе над «изъяснениями» к сатирам он ориентировался, как показал И. З. Серман, на примечания К. Бросета к сатирам Буало.¹⁴ Вероятно, что и в примечаниях к другим оригинальным своим сочинениям Кантемир использовал не известный пока филологический образец. Забота Кантемира об издании своих и переведенных им текстов превратила его из поэта, переводчика в литератора-филолога, который пишет сам, переводит и издает других авторов, род деятельности малознакомый русским поэтам, но хорошо известный во Франции второй половины XVII—первой половины XVIII в.

При подготовке изданий анакреонтических песен и эпистол Горация Кантемир не просто ориентировался, но, как сам признавался, использовал готовые западноевропейские издания Анакреона и Горация как источники текстов для переводов и для работы над примечаниями. В предисловии к «Письмам Горация» он, объясняя назначение своих примечаний, разделяет их на два

¹³ *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 2. С. 391.

¹⁴ *Serman I. Z.* The Literary Context in Russian Eighteenth-Century Esthetics // *Russian Literature Triquarterly*. 1988. N 21. P. 15—17.

рода: первые призваны изъяснить употребленные им при переводе эпистол «новые слова и речения» (филологический комментарий), вторые — «обычай древние, обряды и другие вещи и имена лиц, о которых в письмах Горациевых упоминается». Второй тип комментария (реальный) он, как сообщает, «от большей части <...> занял у Дассиера и других толкователей Горациевых».¹⁵ Если под Дассиером имеется в виду Андре Дасье (*André Dacier*; 1651—1722), наиболее авторитетный в то время издатель Горация, имена других толкователей, с которыми сверялся или у которых заимствовал примечания Кантемир, остались от нас сокрытыми. Установить издания, которые использовал Кантемир при работе, едва ли возможно. В этот и в более ранний период во Франции и в других западноевропейских странах выпускалось множество изданий Горация, со многими из них Кантемир, вероятно, был знаком. При обращении к работе Кантемира над примечаниями более важным кажется не поиск не упомянутых им «толкователей Горациевых», а прояснение меры и характера зависимости его примечаний от примечаний Дасье.

Подготовленная для издания книга Кантемира «Письма Горация» начинается с разделов, обычных для западноевропейских изданий древних авторов того времени: посвящение, предисловие, жизнеописание Горация. Принципиальное отличие книги Кантемира от западноевропейских изданий древних заключается в отсутствии в ней текста оригинала. К концу 1730-х гг. в западноевропейской филологии сосуществовало несколько типов изданий римских авторов, в том числе Горация.¹⁶ К первому из них исторически принадлежали издания с публикацией текста с комментариями на латинском языке. Ко второму можно отнести издания латинского текста оригинала с комментарием на национальном языке издателя и вероятного читателя. К третьему типу относятся издания, в которых воспроизводится латинский оригинал в сопровождении его перевода на национальный язык, как правило, такие издания были комментированными. Среди них выделяются издания французские, в которых перевод обязательно был прозаическим, независимо от формы оригинала, а комментарии стремились к толкованию всех древних реалий, всех выражений и отдельных необычно употребленных слов латинского текста. Именно такие издания отвечали быстрому развитию филоло-

¹⁵ *Кантемир А.* Письма Квинта Горация Флакка. С. 386.

¹⁶ Не привожу описаний изданий, так как они несравненно расширили бы рамки статьи. Знакомству с изданиями Горация, помимо петербургских книгохранилищ (РНБ, БАН), автор обязан Google Books (<http://books.google.com>), в особенности сайту HathiTrust Digital Library (<http://babel.hathitrust.org>).

гической науки, претендующей на возможно полное понимание древних. Перевод в прозе уже служил начальным комментарием (истолкованием) текста. Французские комментированные издания были чрезвычайно объемными; так, издание Горация Дасье насчитывает девять томов *in octavo*.¹⁷ Оно, как и аналогичные издания других французских переводчиков-комментаторов,¹⁸ включает в себя полное собрание сочинений Горация. Но были и издания отдельных жанров: од или сатир, также эпистол. Неполные издания в своих целях и задачах сильно различались. Среди них издания с обширным комментарием и без него, а также такие, которые явно не преследовали научных целей. Это прежде всего издания, в которых тексты Горация помимо латинского оригинала даются в художественных переводах, прозаических или стихотворных; краткое пояснение могло сопровождать текст, а могло и отсутствовать. Специальные издания предназначались для школы. Помимо текстов на языке оригинала школьный Гораций мог включать и их перевод; комментарий к ним носил прежде всего познавательный характер и был сравнительно небольшим. Во все условно выделенные типы изданий латинский текст обязательно входил как основной, а перевод, если включался, то как ему сопутствующий.

Отсутствие латинского текста эпистол Горация в предполагаемом издании Кантемира привело к тому, что он в отличие от западноевропейских комментаторов, в том числе, конечно, и от Дасье, делал примечания не к стихам Горация, а к стихам своего перевода. Хотя Кантемир и стремился переводить Горация, как он сам говорил, «слово от слова»,¹⁹ его русские стихи не совпадают с латинскими, и число стихов перевода больше, хотя сравнительно ненамного, числа стихов подлинника. Отсюда происходит несовпадение номеров стихов русских и латинских и уже от этого проистекает несовпадение указаний номеров стихов в примечаниях Дасье и Кантемира, а иногда и порядка самих примечаний. В отдельных случаях нарушение порядка существенно. Так, примечание к первому стиху XV письма «К Неию Нумонию Валле» Кантемир начинает с оговорки: «Гораций начинает письмо свое стихом 15 и 16 *Валла, друг, какова*

¹⁷ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. Par m. Dacier, Garde des Livres du Cabinet du Roy. 3 ed. Paris, 1709. V. 1—9.

¹⁸ Например: Horace de la traduction de monsieur De Martignac. Lyon : Chez Antoine et Horace Molin, 1687. 3 ed. V. 1—2; Œuvres d'Horace : En latin traduites en françois par M. Dacier, et le P. Sanadon, avec les remarques critiques, historiques et géographiques, de l'un et de l'autre. Paris, 1735. V. 1—8.

¹⁹ *Кантемир А.* Письма Квинта Горация Флакка. С. 385.

скажи мне в Велии зима и проч., после которых следует в скобках около 14 стихов, кои совсем его вопрос к другу прерывают. Дасье правильно судит, что такое долгое отдаление от начатого вопроса в письме к другу неприлично. Для того я в начало письма вставил то, что в первоначальном лежит в скобках, а первые два стиха к прочим в свое место присоединил».²⁰ В решении вторгнуться в текст Горация Кантемир следовал Дасье, который в своем прозаическом переводе поменял местами первые два стиха с последующими четырнадцатью.²¹ Однако, комментируя начало XV письма, Дасье, привязывавший свои комментарии к тексту Горация, исходил из последовательности стихов у него, и потому вольность при переводе в его комментарии не отразилась.²² А у Кантемира отразилась. Давая примечания к своим стихам, он был вынужден поменять и в комментариях последовательность стихов Горация. Его комментарий к 15-му стиху соответствует комментарию Дасье к 1-му стиху. Этот пример показывает, что проблема комментария начинается с вопроса о тексте, к которому делается комментарий. Одновременная работа над филологическим комментарием к своим стихам и к стихам Горация создавала иллюзию единого идеального текста, приводила к ощущению совпадения, а несовпадения русского и латинского текстов оговаривались. В контексте западноевропейской эдиционной практики решение Кантемира издавать только свой перевод без оригинала и комментариев к своему переводу выглядит более чем странно. Почему Кантемир посчитал возможным отступить от установок западноевропейской филологии, заведомо сделав свой труд уязвимым? Можно было бы думать, что он пошел на это из снисхождения к русской необразованности, не надеясь встретить читателя, знавшего латынь. Но в предисловии к намечавшемуся изданию он говорит: «...я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать на русском языке Письма Горация, по-латински не умея; но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь».²³ При такой направленности издания, казалось бы, латинский текст был просто необходим. В решении давать в издании только перевод Кантемир мог исходить из русской издательской практики, в которой, недавно начав издавать древних, издавали их только в русском переводе. Вместе с тем он нигде не упоминает о жела-

²⁰ Там же. С. 471.

²¹ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 9. P. 3, 5.

²² Ibid. P. 12.

²³ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 386.

тельности поместить в издании латинский текст оригинала, как и не прилагает оригинал к подготовленной им книге. Да и сами примечания, как уже говорилось, отнесены в ней к стихам перевода, а значит, при их подготовке печатание латинского текста не предполагалось.

Возможно, однако, что не русская действительность, с привычной для нее косностью в деле изданий, определила решение Кантемира. Идеальный текст, находящийся как бы вне, над языком, мог для Кантемира не быть чуждой идеей. Ведь сам его перевод, выполненный стихами без рифм с установкой «поблизку держаться первоначального»²⁴ латинского текста и стремящийся к буквальности, как бы воспроизводил текст Горация. Конъектуры текста, которые Дасье вносил в свой прозаический перевод и обсуждал в примечаниях, Кантемир вносил в свой поэтический перевод, и он представлял как бы исправленным, очищенным текстом Горация. Так, например, он вносит конъектуру Дасье в 31-й стих VII эпистолы, вслед за Дасье считая правильным читать не *in cumeram frumenti* (в корзину с зерном), а *in cameram frumenti* («В житной вкралася амбар...»). В примечании он объясняет: «В житной вкралася амбар. Resperat in cumerum frumenti. Дасьер с довольным резонансом отменяет *cumerum* в *cameram*. Есть же *camera* амбар житной с сводом...».²⁵ Хотя в западноевропейской культуре начиная с поэтов Плеяды Горация перекладывали стихами, никто из западноевропейских литераторов никогда бы не считал поэтический перевод равным научному или учебному, не считал бы его точным. Потому-то французские филологи и переводили прозой, что в прозе можно достичь максимальной точности. Но, видимо, поэт в Кантемире был сильнее и ученого, и учителя, а сама идея буквального перевода в стихах («слово от слова») не казалась ложной. Восходит она к переводческой школе Славяно-греко-латинской академии, где учили эквилинейному, эквиметрическому и буквальному переводу.

Стремление Кантемира в своем переводе «поблизку держаться первоначального» и «переводить Горация слово от слова» принуждало его, как он сам признавался, «употреблять или слова, или образы речения новые и потому не вовсе вразумительные читателю, в латинском языке неискусному».²⁶ Или иначе: русский текст перевода писем Горация малопонятен тем, кто не знает латыни. И в то же время он должен помочь тем, «кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь».

²⁴ Там же. С. 385.

²⁵ Там же. С. 439.

²⁶ Там же. С. 386.

Кантемир ставит во взаимозависимость русский и латинский тексты эпистол. Его русский перевод должен помочь понять латинский текст, но при этом знание латинского текста должно помочь понять русский перевод. Естественно, что такой перевод на русский с привкусом латинского требовал толкования — «я не оставил оных [новых «слов или образов речения». — Н. А.] силу изъяснить в приложенных примечаниях» — то есть своего рода перевода этого нового русского на русский язык. И хотя, думается, Кантемир несколько преувеличивал непонятность своего текста, сама высказанная и, вероятно, владеющая им при переводе и работе над филологическим комментарием к нему идея возможности языка русского как проекции на латинский, русского как лексической и грамматической кальки с него кажется как глубокомысленной, так и замечательной. Конечно, в известной степени она не чужда всем, кто когда-либо переводил, но откровенность, с какою высказал и провел ее в своей работе над письмами Горация Кантемир, исключительна. Неудивительно поэтому, что филологический комментарий к русскому переводу занимает важное место в его примечаниях. С него начинается статья примечаний к стиху, а иногда им и ограничивается. Чаще всего он заключается в распространении краткой формулы перевода парафразисом: «Из атталских ли один предпочтешь ты город. Не предпочтешь ли к твоему жилищу один из атталских городов...».²⁷ Но нередко Кантемир оговаривает и свое словоупотребление: «Пользуемся. Повелительное, вместо станем пользоваться оба. His utere tecum. Сими пользуйся вместе со мной»²⁸ и формы слов: «Что отечеству предчли возбраненны сласти. Что вместо которые...»,²⁹ но предчли (от предчесть, предпочесть) им не обсуждается. В филологическом комментарии часто приводятся переводы «слово от слова», сопровождающие выписку латинского места, например к стиху 31 (у Горация — стих 28) X письма: «Не столь чувствительны. Propius medullis datum. Слова от слова: изъян, кой ближе мозгу в костях касается, сиречь изъян весьма чувствительный, понеже и кость за кожицею, котою покрыта, и периостион называется, и мозг к болезни весьма чувствительны».³⁰ Филологический комментарий к русскому и латинскому текстам сливается.

²⁷ Там же. С. 456.

²⁸ Там же. С. 435.

²⁹ Там же. С. 434.

³⁰ Там же. С. 453. Несомненно, что филологический комментарий к «Письмам Горация» требует отдельного исследования, так же как и сам язык его переводов; в идеале оно должно было бы стремиться к осмыслению их стиля в русле классической работы С. И. Николаева, см.: Николаев С. И. Трудный

Итак, читателями «Писем Горация», по мысли Кантемира, могли быть русские, не знающие латыни, то есть образованные, но не прошедшие курсов Славяно-греко-латинской академии, семинарий и Академического университета читатели, но также и ученики этих учебных заведений. Таким образом, «Письма Горация» должны были одновременно служить знакомству русских с Горацием и учебным пособием при чтении Горация по-латыни. Мысль Кантемира о тех, «кои учатся латинскому языку», то есть о семинаристах и студентах, которых знать он не мог, покинув Россию, когда те были еще младенцами, сама по себе знаменательна. Внимание к далекому незнакомому племени сродни, по-видимому, тому участию, с которым Кантемир некогда отнесся к работе гимназистов Академии наук над приветственной одой императрице Анне Иоанновне. Тогда он их подстрочный перевод латинской оды превратил в стихотворную оду,³¹ теперь уже следующему поколению в помощь изучению Горация и латыни предназначая свой труд. Видимо, Кантемиру было свойственно с интересом и вниманием относиться к молодым людям, осваивавшим науки. Если адресация своего труда студентам и семинаристам Кантемиром не только декларировалась, то уровень примечаний к «Письмам Горация» должен был соответствовать возможному уровню тогдашнего русского студента.

Реальный комментарий Кантемира не просто восходит к комментарию Дасье, но, как правило, представляет собой буквальный перевод больших или меньших его фрагментов. Практически все толкования римских реалий взяты Кантемиром у Дасье. Однако мера и характер зависимости при подражании определяется не только тем, что заимствуется из оригинала, но и тем, что остается в нем нетронутым. Используя примечания Дасье, Кантемир заметно их сокращает. В предисловии он писал: «...примечания большую часть труда моего составляют». Действительно, пропорция текста писем и примечаний к ним по числу слов имеет примерное соотношение 1 к 20. Но у Дасье эта пропорция 1 к 70. Сокращение примечаний Дасье сделало возможным поместить русские примечания под строкой (тогда как у Дасье примечания концевые). Но и сокращенные в сравнении с французскими русские примечания занимают почти всю страницу, оставляя на ней место для основного текста в среднем на шесть стихов (строк).

Кантемир : (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Вып. 19. С. 3—14.

³¹ *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия : Материалы к истории. XVII—первая половина XVIII века. М., 2000. С. 190—196; см. также: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода : Развитие одической формы в XVII—XVIII вв. СПб., 2005. С. 73.

Расположение примечаний для Кантемира имело значение, как это становится известным из специального указания наборщику. Стоит заметить, что к собственным произведениям он помещал концевые примечания, тогда как к «Разговорам о множественности миров» и к анакреонтическим песням — подстрочные.³² Однако очевидно, что сокращение французских примечаний производилось Кантемиром не из желания уместить свои примечания под строкой, а преследовало другие цели.

Наиболее заметное сокращение затронуло преамбулы к каждой из эпистол, занимающие у Дасье несколько страниц, а у Кантемира один абзац. Заимствуя у Дасье основную идею преамбулы или статьи пространного примечания, он выражает ее существенно короче, опуская подробности и повторения. Сокращение достигалось и отказом от ссылок на предшествующих комментаторов Горация, обязательных у Дасье в преамбулах и частых в статьях его примечаний. Подобные отсылки у Кантемира встречаются лишь дважды. В примечании к 80-му стиху I письма он вслед за Дасье ссылается на «мнение Мюретово»,³³ то есть на комментарий М.-А. Мюре (Muret, 1526—1585) к Горацию.³⁴ В другой раз Кантемир вслед за Дасье обсуждает предложенную «господином ле-Февром»³⁵ конъектуру 59-го стиха VI эпистолы Горация,³⁶ однако, так же как Дасье, в текст свой ее не вносит.³⁷ Скорее всего, обе ссылки остались у Кантемира не из-за их принципиальной для него важности, а случайно. Но ссылки на самого Дасье у него нередки, как правило, они приводятся, чтобы подчеркнуть значение и правильность толкования Дасье и звучат в таком роде: «Дасьер изрядно изъясняет...».³⁸ Лишь однажды он оспаривает мнение Дасье, не соглашаясь с

³² Об истории расположения и оформления примечаний в западноевропейских изданиях см.: *Grafton A. The Footnote: A Curious History. Cambridge (Massachusetts), 1999.*

³³ *Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 401. Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 80.*

³⁴ *Horatius M. Antonii Mureti in eundem annotations. Aldi Manutii. De metris Horatianis. Eiusdem Annotationis in Horatium. Lugduni, apud Guliel. Rovillium, sub scuto Veneto, 1564.*

³⁵ Имеется в виду Таннеги Ле Февр (Le Fèvre Tanneguy, 1615—1672), учитель и тесть Дасье, и его издание Горация: *Quinti Horatii Flacci Opera, ad serenissimum Delphinum. Diligenter recensuit T. Faber et Notulae ac Monita ad Odas addidit, cum specimine novae interpretationis ad lectorem. Salmurii, apud Renatum Pean, 1671.*

³⁶ *Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 434.*

³⁷ *Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 342.*

³⁸ *Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 457.*

ним в толковании 4-го стиха IV эпистолы (*An tacitum sylvas inter reptare salubres...*): «Или молчалив, как человек, который с прилежанием размышляет, ища истину, прилежит к академической философии, исследуя книги Платоновы и других академических философов. Так Дасьер толкует сей стих <...>. Я охотнее тех мнению последую, которые чают, что Гораций Тибулла просто спрашивает: гуляешь ли в лесу молчалив...».³⁹ Однако кто эти несогласные с Дасье, установить не удалось. Примечательно, что следующий после Дасье авторитетный толкователь Горация Э. Санадон, нередко в своих комментариях не соглашаясь с Дасье, в данном случае повторяет его толкование.⁴⁰ Стоит сказать, что Кантемир вообще не учитывает издание Санадона, вышедшее впервые в 1728 г.

Изыятие Кантемиром из французских примечаний отсылок к предшествующим Дасье комментаторам можно объяснить только тем, что он не считал нужным отяжелять ими примечания, полагая их лишними для русского читателя, не знакомого с традицией осмысления Горация. Подобно ссылкам на ученых, Кантемир в большинстве случаев опускает постоянные у Дасье отсылки к древним поэтам, в том числе к самому Горацию, его одам или сатирам, а также цитаты из древних, приводимые французским комментатором чаще всего для лучшего толкования латинского слова, выражения или реалии текста эпистол. И причина здесь не в том, что Кантемир, не включив в издание латинского текста эпистол, упразднил саму проблему толкования латинских выражений Горация, как раз напротив, странным образом, от толкований латинских выражений он не отказался. Но так же как в случае с именами ученых авторов, он, видимо, не хотел перегружать свои примечания не столь уж хорошо знакомыми русскому читателю именами и текстами. Исключение, пожалуй, составляет лишь Эзоп, ссылки на которого у Дасье переходят в русские примечания.⁴¹ Оставленные Кантемиром ссылки на Эзопа показывают, что свои примечания он соотносил с уровнем русского читателя, ведь Эзоп был одним из немногих древних авторов, хорошо известных в России и по рукописной традиции, и по изданию 1712 г.⁴² Кантемир заметно прореживает ссылки Дасье на философов, давая их лишь в тех необходимых случаях,

³⁹ Там же. С. 403, 420.

⁴⁰ *Œuvres d'Horace : En latin traduites en François par M. Dacier, et le P. Sana-don; avec les remarques critiques, historiques et géographiques, de l'un et de l'autre.* V. 6. P. 470.

⁴¹ *Кантемир А.* Письма Квинта Горация Флакка. С. 439.

⁴² *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси : Век XVII : Исследования. Тексты. Комментарии. СПб., 2005.

когда Гораций сам их упоминает; справки о них и необходимые пояснения он заимствует у Дасье. В отборе из французских примечаний, пусть и не всегда последовательном, имен ученых, поэтов, философов проступает принцип работы Кантемира, она направлена на адаптацию французских примечаний русскому читателю. В незаимствовании Кантемира у Дасье можно увидеть фигуру умолчания, красноречиво говорящую об уровне русского читателя (студента), к которому адресовался Кантемир, или о его мнении о русском читателе. Наверное, это мнение в ряде случаев можно было бы оспаривать — так, имена Вергилия, Ю. Скалигера не могли быть неизвестными ученикам Славяно-греко-латинской академии и даже семинарий. Между тем при исследовании вопроса о русской образованности рубежа 1730—1740-х гг. стоило бы внимательно отнестись к примечаниям Кантемира и встающему из них образу читателя-студента.

Трудно объяснить чем-нибудь иным, кроме как заботой Кантемира о постигавшем латинский текст юноше, его толкования латинских оборотов и отдельных слов эпистол. Но практически все они взяты им из примечаний Дасье, пояснявшего трудные и спорные места чтения Горация. Кантемир переписывает, за редким исключением, все эти толкования Дасье, не прибавляя при этом к ним новых. Нельзя не признать, что школьное чтение Горация и, так сказать, академическое, рассчитанное на людей, знающих латынь, но сомневающих в правильности чтения или понимания отдельных оборотов и слов, сильно между собой разнятся. Русский студент получал толкование мест, трудных для знатока, а не для начинающего. При этом принцип отнесения комментария к стихам русского перевода и несоответствие их стихам Горация делает невозможным чтение в русских примечаниях толкований латинских оборотов и слов, превращая их в род филологического абсурда. Обычно, начав статью примечания с объяснения использованного им русского выражения, Кантемир без перехода говорит затем о латинском выражении, употребленном в том же стихе, не поясняя при этом, что русский и латинский стих не совпадают и номера их разные. Например, в примечании к 31-му, 32-му стихам VII письма он замечает: «...латинский текст трудноват кажется с первого взгляду, для того что предлог *pro* отделен от причастия: *Pro laudo merentis*, переложив частицу *tu* на свое место, легко понятен становится: *Dignum praestabo me etiam laude promerentis*».⁴³

⁴³ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 438. У Дасье это место: *Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques*. V. 8. P. 378.

Однако в латинском тексте это 24-й стих, и такой комментарий понятен лишь в том случае, если читатель слово за словом сверяет перевод Кантемира с оригиналом, для чего должен держать перед собой издание Горация и самостоятельно проделывать филологическую работу по поиску и сверки его стихов с русскими примечаниями.

Уровень образованности русского читателя, во всяком случае каким виделся он Кантемиру, угадывается не только по изъятым им местам из примечаний Дасье, но и по его нередким дополнениям к ним. Так, он включает отсутствующие у Дасье справки об исторических лицах, хорошо известных французскому читателю и плохо — русскому, например, в примечании к первому стиху I письма — о Меценате,⁴⁴ а в примечании к 51-му стиху VI письма — о Лукулле.⁴⁵

Уровень знания русскими древности проступает и в объяснении Кантемиром латинских терминов и понятий, уже прочно к тому времени утвердившихся в европейской культуре. Дословно переводя начало примечания Дасье к выражению *Rude donatum* из 3-го стиха I эпистолы, Кантемир находит нужным пояснить слово *гладиатор*: «Quand les Maîtres d'armes donnoient leçon à leurs Gladiateurs, ils faisoient combattre avec des fleurets...»⁴⁶ — «Когда оружием учителя наставляли гладиаторов, то есть единоборцев, в их науке употребляли деревянные палаши...»,⁴⁷ — но в дальнейшем толковании этого места говорит уже только о борцах и единоборцах. В подобных заменах А. А. Веселовский усматривал русификацию перевода Кантемира, считая ее его слабостью, хотя едва ли был полностью прав.⁴⁸ Примером русификации может служить перевод Кантемиром 18-го стиха XI эпистолы Горация (*Penula solstitio, campestre nivalibus auris*): «...сколь среди лета толста шуба, Сколь занавеска в зиме, Тибр в мразное время...» (ст. 22—23). В примечании к нему он поясняет: «*Penula solstitio*. Епанча во время солнцестояния. Пенула епанча толстая, употребляемая в дождь и в студеное время, дорожная епанча. Я шубу в переводе употребил, понеже нашему обычаю не меньше,

⁴⁴ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 390.

⁴⁵ Там же. С. 432.

⁴⁶ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 25.

⁴⁷ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 391.

⁴⁸ Веселовский А. А. Кантемир — переводчик Горация. С. 244—249, 253. О русификации говорит и П. Н. Берков (*Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация // Известия АН СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. 1935. № 10. С. 1042—1043*).

чем намерению стихотворца, соответствует».⁴⁹ Но комментарий к этому месту заимствован у Дасье, который перевел стих Горация более вольно, чем Кантемир, не затронувший русификацией по крайней мере второе полустишие: «се qu'un gros manteau est en Esté, un simple calçon en Hyver...» («как толстое пальто летом, легкие штаны зимой»)⁵⁰ В замене древнего платья современным Кантемир всюду следует за Дасье, который всякую верхнюю одежду переводит словом манто (le manteau), и даже 25-й стих XVII эпистолы Горация «Contra quem duplici panno patentia velat» («Напротив того, в двойной лоскут — „длинный лоскут“ в переводе Н. С. Гинцбурга — терпение облакает») передает как: «au lieu que celui que la patience arme d'un manteau qu'il met en double...» («Напротив, терпение вооружает пальто на подкладке»)⁵¹ Кантемир, заменив манто епанчей («Напротиву же кого Терпение одело В удвоенну епанчу...»), дает подробное объяснение родам одеяний римлян в примечании к приведенным 34-му и 35-му стихам XVII эпистолы,⁵² однако оно восходит к Дасье, у которого эта справка много пространнее.⁵³ Французский аналог, а для Кантемира и источник таких решений перевода, не позволяет видеть в замене римских реалий русскими намеренную русификацию римской жизни и Горация. Она явилась необходимостью ввиду отсутствия разработанной терминологии римских реалий и достаточных о них представлений. Между тем как раз в те десятилетия, что отделяют работу Кантемира от работы А. Дасье над Горацием (его первое издание — 1683 г.), во французской науке начали подходить к изучению быта и обихода древних, к своего рода антропологическому их изучению. Одним из первых, кто исследовал эти вопросы, был Ш. Роллен (1661—1741), сопровождавший свою «Римскую историю» (*Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium* (1738)) специальными статьями о платье, столе, времяпрепровождении римлян. Работа Кантемира над Горацием по времени совпала с началом нового этапа освоения древности, с ее по-новому историческим постижением. Можно ли упрекать Кантемира, что он не отразил новейшее тогда течение в своих комментариях?

⁴⁹ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 457.

⁵⁰ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 479.

⁵¹ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 9. P. 87.

⁵² Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 487.

⁵³ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 9. P. 104—105.

О русификации, скорее, можно говорить в стремлении Кантемира давать параллели римским понятиям из русского духовного опыта. Так, он переводит слово *Genius* «духом твоим», поясняя: «*Гениус* есть бог язычников, который имел надзирательство над рождением и житием человека. Всякий человек имел своего такого божка, как мы в православной вере иметь верим своего ангела». ⁵⁴ И это оригинальное примечание, потому что для Дасье, переведшим латинского *Genius* французским *Génie* здесь не было вопроса.

Перевод и толкования могли приводить Кантемира к переосмыслению Горация. Одним из примеров может служить комментарий начала первого письма, где Гораций сравнивает себя с гладиатором. Воскликая вслед за Дасье: «Изрядно Гораций соравнял лирическое стихотворство боевому позорищу...», Кантемир продолжает: «и стихотворцев — единоборцам или подвижникам», ⁵⁵ переводя и здесь Дасье («et les Poètes à des Athlètes, à des Gladiateurs...») ⁵⁶. Если *единоборцы*, как явствует из примечания к предыдущему третьему стиху, служат переводом слова *gladiateurs*, то *подвижники* — *athlètes*. Такой перевод кажется смелым, поскольку изначально слово *подвижник* в русском языке употреблялось лишь в духовном смысле. ⁵⁷ Однако он далеко не случаен. В начатом Кантемиром, но не оконченном Русско-французском словаре, в котором русские слова на букву «П» расписаны, но за редким исключением оставлены без французского перевода, к слову *подвижник* дан перевод *athlète*. ⁵⁸ В том же значении «участника соревнования, состязания» ранее Кантемира слово *подвижник* было использовано в глоссах Сильвестра Медведева к лексикону Герасима Влаха при переводе греческого *ἀγωνιστής*. ⁵⁹ Очевидно, что Кантемир опирается на ту же традицию. Эта традиция отражена и в «Словаре Академии российской», который как первое значение слова *подвижник* дает: «у римлян и древних греков назывался всякий искусный в подвигах в употреблении тогда бывших». ⁶⁰ И схожим образом И. И. Татищев переводит слово *athlète* в своем французско-русском «Лексиконе»: «*Athlètes* — у древних греков так назывались борцы, подвижники,

⁵⁴ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 444.

⁵⁵ Там же. С. 391.

⁵⁶ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 30.

⁵⁷ Срезневский И. И. Материалы для истории словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1033 (Репринт: М., 1959).

⁵⁸ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / Вступ. статья, публ. Е. Бабаевой. М., 2004. Т. 2: П—У. С. 889.

⁵⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1989. Вып. 15: (Персть—Подмышка). С. 232.

⁶⁰ Словарь Академии Российской. СПб., 1790. Ч. 2: От Г до З. Стб. 554—555.

бывшие при торжественных играх».⁶¹ Приведенный Татищевым французский оборот «Les athlètes de la foi» и данный им перевод — «поборники по вере, мученики»⁶² — проясняет перевод Кантемира. При переводе слова *athlète* Кантемир, по-видимому, исходил из французской традиции осмысления христианского аскетизма, в частности, стиха апостола Павла: «всяк подвижайся от всех воздержится» (1 Кор. 9, 25; во французском переводе Лувенской Библии: «tous les athlètes gardent en toutes choses»), к которому и восходит уподобление христианских подвижников языческим атлетам. В греческом тексте в этом месте стоит слово *ἀγωνιστής*, в Вульгате — оборот *qui in agone contendit*. Контекст значений и круг ассоциаций определили, по-видимому, заключение комментария Кантемира к следующему (4) своему стиху письма: «В прежнее позорище вновь ты включить ищешь...». Объяснив, что словом *позорище* он передал латинское *ludus* — «место, площадь <...> где единоборцы отправляли бой свой» (у Дасье — *la lice*, арена), он добавляет: «Подвигом, чаю, можно бы назвать, буде *позорище* не нравнее».⁶³ Слово *подвиг* и есть греческое *ἀών* (*арена, стадион*, но и *усилие, старание*), от которого произведены и греческое *ἀγωνιστής*, и латинское *qui in agone contendit*. В комментариях к началу первого письма Кантемир как бы переводит Горация на греческий язык посредством русского, и духовная коннотация в русском языке слова *подвиг* уводит от остроумного, но по-римски жесткого взгляда на судьбу и назначение поэта.

Хотя примечания Кантемира и были в части реального комментария сокращением и даже некоторым упрощением примечаний Дасье, по своей подробности они до сих пор превосходят все русские комментарии к эпистолам Горация. Делавшиеся с оглядкой на учащегося, они при этом не примитивны, а сохраняют ученый строй французских примечаний. Подготовленный Кантемиром к изданию Гораций совмещал в себе несколько типов изданий: литературное издание с художественным переводом, предназначенное для любителей поэзии; учебное с толкованием отдельных латинских оборотов и слов, предназначенное для школьников, и научное с продуманными (хотя и заимствованными) толкованиями реалий римской жизни, предназначенное для эрудитов.

Наиболее близко по времени к работе Кантемира стоит подготовленный спустя десять лет после «Писем Горация» перевод

⁶¹ Татищев И. Полный французский и российский лексикон, с последнего издания Лексикона Французской Академии. 2-е изд. СПб., 1798. Т. 1. С. 120.

⁶² Там же.

⁶³ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 391.

Тредиаковского «Эпистолы Горация к Пизонам», вошедший в его двухтомные «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» (1752). Несмотря на существенную разницу в объеме вводимых в русскую культуру текстов Горация, в работе двух поэтов-филологов есть общее. Тредиаковский, так же как Кантемир, предназначал ее, как и все свое издание, юным читателям. Правда, говорит он об этом вскользь, в примечании предисловия к двухтомнику.⁶⁴ Отличие заключается в том, что Тредиаковский, как и французские филологи, сделал перевод Горация в прозе, но как уже стало для русских изданий обыкновением, латинского текста рядом с ним не поместил. Как и Кантемир, свой перевод «Эпистолы к Пизонам о стихотворении и поэзии» Тредиаковский снабдил примечаниями. В этом он мог ориентироваться, хотя и не обязательно, на издание «Квинта Горация Флакка десять писем...» 1744 г. Вслед за Кантемиром он использует для своих примечаний французское издание Дасье, но также и издание Э. Санадона.⁶⁵ Однако сами примечания, взятые двумя русскими авторами практически из одного источника, заметно друг от друга отличаются. Это происходит в первую очередь, вероятно, потому, что для Тредиаковского примечания не были принципиально важной частью работы над переводом Горация, он внес их уже в корректуру.⁶⁶ Оттого, вероятно, что делались на ходу, они несравненно короче примечаний Кантемира, а также заметно уступают им в своем числе. Все они представляют собой буквальный перевод французских примечаний, свое дополнение к ним Тредиаковский дал только в одном месте.⁶⁷ Нарушая тем научную этику, Тредиаковский не оговорил источника своих примечаний, как это сделал Кантемир. Главное же, пожалуй, отличие его примечаний от примечаний Кантемира состоит в том, что он не учитывал в них возможной осведомленности юношей. Уже в первом из них, данном к названию эпистолы, Тредиаковский сыплет едва ли известными им именами: «В предисловии объявлено мною, что Гораций все свои правила взял из Аристотелевы „Пиитики“, но, сверх того, много он выбрал, по свидетельству Порфирионову, из Критона, Зенона, Демокрита и особливо из Неоптолема Па-

⁶⁴ Тредиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 15 (Лит. памятники).

⁶⁵ Алексеева Н. Ю. Работа В. К. Тредиаковского над переводом «Эпистолы к Пизонам» Горация // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Матлы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 12—13 марта 2003. СПб., 2004. С. 60—69.

⁶⁶ Тредиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. С. 362.

⁶⁷ Алексеева Н. Ю. Работа В. К. Тредиаковского над переводом «Эпистолы к Пизонам» Горация. С. 67.

росского)». ⁶⁸ Подобные глубокомысленные отсылки к известным, малоизвестным, а нередко и к неизвестным авторам, характерная примета научного стиля Третьяковского. Готовя «Сочинения и переводы», как он сам говорил, для юношества, он никак не удержал себя от своей слабости упомянуть звучное имя. Статьи и слова «Сочинений и переводов» пестрят именами филологов древности и эпохи гуманизма ничуть не в меньшей мере, чем другие филологические и философские труды Третьяковского, так же как в других трудах он обильно цитирует по-латыни. Если Кантемир, как мы видели, почти всюду опускает в примечаниях приведенные Дасье цитаты из древних, Третьяковский в примечаниях к «Эпистоле к Пизонам» выписывает из Дасье латинские и даже дважды греческие стихи. В контексте русской культуры, который в какой-то мере был определен и изданиями Кантемира («Разговоров о множественности миров» и «Квинта Горация Флакка десяти писем...»), пристрастие Третьяковского к отсылкам и цитатам выглядело странно. В контексте западноевропейской традиции оно не обратило бы на себя внимания.

Из иностранных изданий эпистол Горация труд Кантемира можно соотнести с поэтическим переводом эпистол на английский язык, сделанным Ф. Френсисом (1708?—1773), и с его комментарием к ним. ⁶⁹ Ровесники, русский и английский переводчики, работали над Горацием в одно время. Френсис впервые издал свой стихотворный английский перевод всего Горация и комментарий к нему в 1747 г. В издании Френсиса напечатанные параллельно латинский и английский тексты сопровождается подстрочный комментарий, относящийся к латинскому оригиналу и не обсуждающий его перевод. С «Письмами Горация» издание Френсиса сближает стихотворный перевод эпистол и компилятивный характер примечаний, в основе своей заимствованных из лучших латинских и французских комментариев. Сами примечания Френсиса заметно отличаются от примечаний Кантемира, прежде всего компиляцией в них разных авторов, со ссылками на них, хотя преимущественно Френсис опирается на Дасье. Примечания Френсиса рассчитаны на образованного англичанина, знающего древние языки, в том числе греческий, и классическую поэзию, из которой приводятся цитаты. Успех труда Френсиса, выдержавшего десятки изданий, определила,

⁶⁸ Там же. С. 52.

⁶⁹ A poetical translation of the works of Horace; with the original text, and critical notes / By the Rev. Philip Francis. London, 1750. Эпистолы вошли в четвертый, последний том подготовленного им полного издания Горация, впервые вышедшего в 1747 г.

по-видимому, обстоятельность его примечаний в сочетании с их соразмерностью тексту, примерная пропорция по числу слов комментария и текста 1 к 5. Хотя из десятков просмотренных мною изданий Горация, выпущенных в этот и несколько более ранний период (начиная с последней трети XVII в.), труд Френсиса наиболее близок к труду Кантемира, относительная близость делает особенно явными различия между ними. Как уже понятно, они заключаются прежде всего в присутствии в английском издании латинского текста оригинала, в отнесении примечаний к нему, а не к переводу, в ориентированности комментария на образованного читателя, а значит, во включении в него литературного контекста эпистол Горация и традиции их осмысления; вместе с тем — в отсутствии толкования выражений перевода, в заметно меньшем обсуждении латинских выражений.

Сравнение одного из первых русских филологических изданий с современным ему английским столь смело, что кажется некорректным. Действительно, как можно сравнивать памятник, позволявший русскому читателю робко причаститься к европейской учености, с изданием, явившимся результатом многовекового изучения латинской поэзии. Но без сравнения нет осмысления. Предложенное сравнение, как и предпринятое исследование, позволяет отчетливо представить особенности работы Кантемира над изданием эпистол Горация. К одной из них можно отнести его ориентированность на широкий для того времени круг читателей. Если западноевропейская наука, с момента своего зарождения замкнутая в себе самой, не предполагала аудитории профанов и лишь с Просвещением постепенно начала демократизироваться, русская наука, ввиду особенностей русской культуры и образованности, с самого начала была тесно связана с просвещением и изначально была, да и не могла не быть, демократичной. В далеком Париже Кантемир очень точно почувствовал в семинарской среде возможную аудиторию своих ученых трудов, и его желание помочь студентам в освоении древности определило просветительский характер его издания. Дальнейшее развитие русской науки показало, что предугаданный Кантемиром демократизм — ее родовая черта.

Другая особенность труда Кантемира в сравнении с западноевропейским опытом состояла в его решении перевести письма Горация стихами и дать перевод без оригинала. Хотя в русских школах и учили эквивалентному переводу латинских поэтов, такие переводы носили все же школьный характер. Первое русское издание древнего поэта («Квинта Горация Флакка десять писем...») закрепило школьную традицию, передав ее уже новой русской переводной поэзии. Лежащая в основе эквивалентно-

го перевода идея возможной синонимии перевода и оригинала определила ту высоту, которой достигли впоследствии русские переводы. Но в ней же, по-видимому, следует искать основание прочно установившейся традиции русских изданий древних лишь в блистательных русских переводах, без текстов оригиналов. Такие издания рассчитаны на тех, кто не знает языков и далек от филологических проблем, возникающих при чтении авторов. Уровню подачи текста соответствует комментарий русских изданий, делающийся к тексту перевода и в основе своей заимствованный из иностранных источников. Не стоит говорить, что для развития русской классической филологии такая традиция порочна. Однако для развития русской поэзии она плодотворна. Стремясь к конгениальности, русский перевод берет на себя не только часть филологической работы, часто заменяя собой комментарий, но и воссоздает звучание оригинала, его дух. Благодаря этому русский читатель может воспринимать древнюю поэзию как себе близкую; но что еще более удивительно, русский поэт может обсуждать метрические нюансы од и эпистол Горация по опыту чтения их в русском переводе.⁷⁰ Тем, что И. А. Бродский мог воплотить звучание Горация в оригинальных своих стихах, переживая его, как и других римских поэтов, по русским переводам, мы в конце концов обязаны Кантемиру.

⁷⁰ *Бродский И.* Письмо Горацию // Бродский И. А. Сочинения. СПб., 2000. Т. 6. С. 366, 368, 369.